

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Историко-антропологические
исследования в работах зарубежных
и российских ученых в 90-е годы XX
столетия

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историко-антропологические исследования в работах зарубежных и российских ученых в 90-е годы XX столетия

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: проследить этапы развития и ключевые темы историко-антропологических исследований в рамках российской историографии в 90-е годы.

Согласно исследованиям известного российского историка Михаила Крома, в 90-е годы историко-антропологический подход к изучению российского прошлого, наряду с американскими учеными, начинают применять исследователи из Германии, Швейцарии и самой России.

К примеру, книга швейцарской исследовательницы Габриелы Шайдеггер (1993) была посвящена изучению взаимных представлений европейцев и русских друг о друге в XVI – XVII вв. Автор фокусирует свое внимание на анализе конкретных житейских ситуаций, именно в которых наглядно проявляются различия социокультурных норм «чужих»- иностранцев и «своих» - местных жителей. И как следствие – взаимное непонимание, предубеждение и оценочные стереотипы. В своем исследовании Г.Шайдеггер широко использует наблюдения антропологов, в частности, книгу Мэри Дуглас о ритуальной чистоте и запретах.

В работах германского историка Людвиг Штайндорфа изучается поминальный культ в средневековой Руси в сравнении с аналогичным культом, существовавшим в Западной Европе. Автор тщательно исследует разные виды поминания и соответствующие им типы поминальных книг - синодики, кормовые книги и т.п. Именно ключевая роль монастырей как центров поминальной практики, считает Л.Штайндорф, определила их статус в древнерусском обществе: они брали на себя функцию, важную для всего населения.

Французский русист Клаудио Ингерфлом применяет этнологический подход к изучению власти и ее репрезентаций в России XVII века. Вслед за известными этнологами такими как М. Глакман, В.Тернер, К.Гирц и др., историки обращаются к изучению ритуалов, празднеств, процессов и других форм символического поведения и делают попытки обнаружения скрытых за этими театрализованными действиями социокультурных норм, идеалов и системы ценностей.

Майкл Флиер, американский исследователь семиотики, славистики, средневековой славянской культуры, изучал церемонию “шествия на осляти” в Вербное воскресенье, за неделю до Пасхи.

По его описанию в этой процессии глава церкви - митрополит - а позднее уже патриарх - восседает на коне, а царь смиренно идет пешком, держа в руке повод. Исследователь задается: что здесь не так? Что является нарушением привычного образа самодержца?

И Майкл Флиер так интерпретирует, что такая ситуация несколько не принижает роль царя, а наоборот, царь тем самым демонстрирует смирение перед Христом, а не перед владыкой. Митрополит или патриарх - являли собой персонифицированный образ Христа, так как вся сцена служила напоминанием о входе Иисуса в Иерусалим. То, что государь ведет коня священнослужителя символизирует в соответствии с давней имперской традицией, перенесенной сначала в Новгород, а в середине XVI в. в Москву, покровительство или “водительство” церкви.

Схожая религиозная церемония, освящение воды в день Богоявления (6 января), в которой также участвовали царь и его свита, подробно описывается в статье другого американского автора Пола Бушковича. В работе «Православная церковь и русское национальное самосознание XVI-XVII веков» он делает интересный вывод о значимости Церкви в русской культуре.

«Структурно русское национальное самосознание отличалось от сознания западноевропейских народов относительной слабостью роли народности и территории. Конечно, русские знали, кто они и где живут, но когда писали о своей стране, то описывали главным образом подвиги благочестивых православных монархов. Национальная концепция русских была преимущественно династической, но сформировавшейся под влиянием учения Православной церкви. На протяжении полутора столетий историки практически единодушно считали и продолжают считать Православную церковь оплотом и чуть ли не главным создателем русского национального самосознания. То, что в XVI–XVII веках русские считали православие важнейшим признаком их национальности, безусловно, правильно», - пишет американский историк.

Автор концепции культурного анализа - Клиффорд Гирц, как известно, обращал большое внимание на церемонии. Одной из значимых церемоний считалась вступление правителя - царя или короля в символическое владение своим государством и, в том числе, объезд своих владений царственными особами. Сразу же на ум приходит - поездки британской королевы и членов королевской семьи (в частности наследных принцев) по стране и по территории своих владений. Насколько это значимо, что собой символизирует и насколько это комментируемо.

Так вот, Нанси Шилдс Коллман посвятила специальное исследование поездкам государей по России, в особенности по местам отправления религиозной службы в XVI в. Во время таких путешествий по стране население могло достоверно убедиться в его истинном благочестии и лицезреть своего государя живым и

здоровым.

Важное символическое значение, по мнению Коллман, имел триумфальный въезд государя в город, а в военное время в побежденный или покоренный город. Вся церемония и следовавшее за ней торжественное богослужение символизировали военную победу и означали вступление царя во владение новой территорией. Так было, согласно историческим описаниям в Новгороде (1478), в Твери (1485), Смоленске (1514) и Казани (1552).

Безусловно, изучение русской политической культуры и символики власти в американской историографии не ограничено временем допетровской Руси. В 1995 г. выходит книга Ричарда Уортмана «Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии», первый том которой уже посвящен символам и ритуалам Российской империи XVIII – первой половины XIX века.

Автор показывает, какую роль имел монархический миф, поддерживаемый соответствующими церемониями, в консолидации правящего режима. И поэтому участие в придворных церемониях означало близость или приближенность элиты страны к трону, тем самым возвышало ее над остальным населением.

Р. Уортман выясняет, каким образом меняется мифология и символика царской власти в зависимости от культурного и политического контекста эпохи? Что мы видим, «образ богоподобного царя-олимпийца, характерный для правления Петра I и его ближайших преемников, сменился при Екатерине II образом мудрой законодательницы и Матери Отечества, а в царствование Николая I вновь конструируется героический образ императора-победителя».

Одна из важнейших линий исследования Уортмана – это соотношение европейской и русской национальной традиций в образе монархии. Начиная с Петра I, тому подтверждение его реформаторская политика, самодержавие стремилось предстать в вестернизированном облике. С восшествием на престол Николая I «сценарий власти» изменился. Теперь император и его семья стали олицетворением нации: уже в церемонии коронации Николая I простому народу была отведена важная, хотя и пассивная роль. И так называемая церемония «троекратного поклона царя народу», ставший впоследствии традицией всех коронационных торжеств, выражала связь самодержца с его народом.

Во втором томе книги «Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии» автор прослеживает судьбу национального мифа русской монархии при преемниках Николая I. Первый кризис мифа проявляется во второй половине царствования Александра II, когда царь, как и все земные люди, умирает от рук царевубийц. Затем опять наблюдаем «возрождение образа национальной монархии» при Александре III, подчеркивавшего свою религиозную и этническую связь с народом, с русской историей и культурой. И наконец, снова вырождение этой идеи при Николае II, который не хотел замечать новых политических реалий и институтов, считая себя единственным, Богом поставленным народным вождем, и в конце концов утратил контроль над страной.

По оценке Михаила Крома: «Отдельные части созданного американским историком монументального полотна написаны с разной степенью детализации: главы о «сценариях власти» монархии в XVIII-начале XIX века выглядят довольно схематично, эскизно, зато судьба национального мифа в период от Николая I до Николая II показана автором гораздо подробнее».

При этом М. Кром ставит вопросы относительно введенного Уортманом термина «сценарии власти»: кто был их автором – сам царь, или в их создании участвовали его приближенные? Если верно последнее, то какова была мера участия элиты в создании образа монархии на разных этапах ее существования?

Однако подобные вопросы и замечания не ставят под сомнение новаторский характер труда Р. Уортмана, отмечает М. Кром. Американский историк предложил оригинальный подход к изучению эволюции института самодержавия в России. Его книга стимулировала появление новых исследований репрезентаций власти в американской русистике: в их числе можно назвать монографию Виктории Боннел о советском плакате 1917-1953 годов. Еще более заметное влияние монография Уортмана оказала на современную российскую историографию.

Согласно исследованиям Михаила Крома, в 1993-1996 годы пришелся пик теоретического осмысления нового концепта в рамках антропологически ориентированной истории. За это время были проведены несколько конференций историков и философов, посвященных феномену российского менталитета и новых исследовательских подходов в изучении истории России. После публикации материалов дискуссий сразу же в печати появились статьи историков-русистов, обобщивших достижения зарубежных коллег в исследовании менталитета и искавших возможности применения этого подхода к изучению российской истории.

В российской историографии особое место занимает история ментальностей, и в отличие от других

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историко-антропологические исследования в работах зарубежных и российских ученых в 90-е годы XX столетия

Автор лекции: Алия Масалимова

историко-антропологических направлений имела наибольшую популярность и успех. Впервые концепт ментальностей в российском научном сообществе появился в 60-х - начале 70-х годов, когда шло обсуждение проблем «исторической психологии». Благоприятную почву для восприятия академическим сообществом этой темы послужили труды Арона Гуревича.

Как отмечает М. Кром, эти дискуссии высветили по меньшей мере две теоретические проблемы, неизбежно возникающие перед каждым историком, пытающимся применить понятие «менталитет» к изучению конкретного материала. Во-первых, кого следует считать носителем определенного типа ментальности: индивида, некую социальную группу (класс, сословие, территориальную общность) или весь народ в целом? И, во-вторых, как соотносятся в этом понятии элементы сознательного и бессознательного? Другими словами, что в человеческом сознании и поведении соответствует термину «менталитет», а для чего требуются какие-то иные термины?».

Ответы на первый вопрос, мы находим в произведениях классиков, но при этом сталкиваемся с довольно-таки различными толкованиями. Часто цитируется статья французского историка Жака Ле Гоффа, который указывает на то, что ментальность присуща всему народу в целом. Он пишет: «это то, что имеют между собой общего Цезарь и последний солдат из его легионов, Св. Людовик и крестьянин из его владений, Христофор Колумб и матрос с его каравелл». И его замечание о том, что «ментальность является важнейшим элементом социальной борьбы, что «существуют ментальности классов, наряду с общими ментальностями».

В дискуссии о российском менталитете часть исследователей заняли позицию, близкую к тезису Ле Гоффа об общем между Цезарем и его легионером: они полагали, что менталитет - это характеристика народа в целом.

Так, например, современная российская исследовательница Марина Кукарцева считает возможным определить менталитет как «национальный способ видеть мир и действовать соответствующим образом в определенных обстоятельствах». При этом она признает наличие менталитета, присущего разным группам и классам общества, но все внимание сосредотачивает на выделении неизменных черт «совокупного русского менталитета», как то: «стремление русских во всем доходить до крайности, до пределов возможного...», сосредоточенность на текущем, ожидание счастья и т. д.

Однако следует отметить, что подобные оценки встречаются главным образом в общетеоретических рассуждениях о менталитете. Показательно, что большинство историков - авторов конкретных исследований на тему ментальностей в России предпочитают применять данное понятие к отдельным группам и классам населения: крестьянству, рабочим, дворянству, казачеству и т. д.

В книге Ольги Поршневой о менталитете крестьян, рабочих и солдат в годы Первой мировой войны сделана попытка примирить оба отмеченных выше подхода: «На наш взгляд, - пишет исследовательница, - эти два подхода нельзя противопоставлять, так как менталитет индивида или социальной группы органически связан как с культурой народа, нации, к которой они принадлежат, так и с социальными условиями бытия человека».

Однако «примирение» двух трактовок менталитета возможно только на абстрактно-теоретическом уровне: как только историк приступает к конкретному исследованию, он должен уточнить содержание используемого им понятия, причем предельно широкая трактовка термина, как например, менталитет = «дух народа», национальный характер и т. п. оказывается практически непригодной для обобщения разнородных данных, отражающих региональные, этнические, религиозные, имущественные и иные отличия населения на необъятных просторах Российской империи или СССР. Вот почему исследователи, в том числе О. С. Поршнева, в большинстве своем предпочитают изучать менталитет отдельных социальных групп.

Более тридцати лет назад Карло Гинзбург в первом издании своей книги о мельнике Меноккио критиковал попытки изучать ментальность целого народа от легионера до Цезаря за внеклассовый подход. «Классовый подход - это в любом случае шаг вперед по сравнению с внеклассовым», - писал итальянский историк. Удивительно, что приходится напоминать об этом в нынешней России, где еще недавно марксизм считался единственно верным учением.

Однако та же проблема воспроизводится и на уровне одной большой социальной группы, будь то сословие или класс. О том, какие трудности поджидают здесь исследователя, можно судить по уже упомянутой монографии О. С. Поршневой.

Во второй главе книги автор, стремясь показать изменения в менталитете крестьянства в годы Первой мировой войны, цитирует негативные высказывания крестьян о царе и царской фамилии,

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историко-антропологические исследования в работах зарубежных и российских ученых в 90-е годы XX столетия

Автор лекции: Алия Масалимова

зафиксированные в документах министерства юстиции 1914-1916 годов. Какой-либо источниковедческой характеристики этих материалов не дается; лишь в нескольких случаях авторы подобных критических суждений названы по имени, с указанием их местожительства; большинство высказываний излагаются анонимно, как «типичные», а в итоге делается вывод о «кризисе монархического сознания крестьян в условиях дискредитации в из глазах правящего монарха».

Бесспорно, слухи об измене, гнездившейся в царской семье, ходили в те годы по стране. Несомненно и то, что тогда нелестные отзывы о царе часто можно было услышать в городах и деревнях. Насколько, однако, эти настроения были характерны для всего многомиллионного российского крестьянства? И не существовали ли одновременно в крестьянской среде иные, верноподданнические настроения?

Сама же О. С. Поршнева приводит свидетельство, относящееся к 1915 году, о надеждах вятских крестьян на то, что царь отнимет у «панов» землю и отдаст им. Если просмотреть все приводимые исследовательницей фактические данные, подобные ожидания были широко распространены и в ряде других губерний. К тому же если потсютянную изменчивость слухов и настроений, то становится ясно, что реконструкция «ментальной» картины в целом в огромной крестьянской стране даже за короткий период - задача, непосильная для одного исследователя. Этим, возможно, объясняется «импрессионистическая» манера, к которой нередко прибегают историки ментальности.

Проблема, о которой шла речь выше, кратко может быть сформулирована так: в основе концепции менталитета лежит представление о некоей однородной социокультурной среде, существующей в данной группе или обществе в целом. Это то, что французский историк Ален Буро назвал «ментальным холизмом», а британский исследователь П. Берк охарактеризовал эту черту истории ментальностей как тенденцию «переоценивать степень умственного согласия (intellectual consensus) в данном обществе в прошлом».

В этом коренится и сила, и слабость истории ментальности как направления: с одной стороны, способность абстрагироваться от индивидуальных различий позволяет специалистам выдвигать правдоподобные объяснительные модели, с другой - получающаяся в итоге «ментальная» картина несомненно является упрощением реальной действительности. Об этом полезно помнить российским исследователям, переживающим сейчас период романтического увлечения историей ментальностей.

Другая методологическая трудность, связанная с применением категории «менталитет» в исторических исследованиях, заключается в генетически присущем этому понятию эволюционизме. Термин «ментальность» первоначально применялся этнологами для изучения «пралогического» первобытного мышления. Будучи взятым «на вооружение» историками, этот термин впоследствии утратил уничижительный смысл, однако сохранил некий антиинтеллектуализм. До сих пор все теоретики истории ментальностей подчеркивают, что речь идет о не осознаваемых самим человеком установках сознания, привычках мышления и поведения, эти неотрефлексированные образы и представления и есть менталитет.

Однако, на взгляд М. Крома, такое понимание менталитета, которое является наиболее распространенным, накладывает серьезные ограничения на использование последнего в качестве аналитического инструмента для изучения массового сознания и поведения людей в прошлом.

Методологически корректным, по мнению ряда российских исследователей, представляется изучение в рамках истории ментальностей таких явлений, как слухи, различные страхи, включая ксенофобию, а также суеверий, бытовой религиозности (например, в действующей армии - все это действительно примеры неотрефлексированного поведения или состояния. Оправданно ли считать частью менталитета трудовую этику крестьян или их представления о верховной власти? Разве эти представления являются чем-то безотчетным, подсознательным и начисто лишены какой-либо логики? Те обычаи и поведение крестьян, которые могут показаться нам странными, оказываются вполне рациональными в тех природных и хозяйственных условиях, в которых им приходилось жить.

Вероятно, по примеру К. Гинзбурга, размышляет М. Кром, следует поставить вопрос о разных типах рациональности, этот подход представляется более перспективным, чем традиционное противопоставление «менталитета» народных масс «идеям» образованной верхушки.

Указанная проблема имеет важный источниковедческий аспект. Можно ли считать разного рода прошения и письма, адресованные властям, источником по истории менталитета? Ответ на этот вопрос не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Достаточно привести два показательных примера.

Массовым источником для изучения настроений и чаяний российского крестьянства в 1905-1907 годах принято считать мирские наказания и приговоры тех лет. По мнению Ларисы Тимофеевны Сенчаковой, эти документы являются «зеркалом крестьянского менталитета»; однако процитированные в статье прошения крестьян содержат не какие-то стереотипы массового сознания, а хорошо аргументированные цифрами и

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историко-антропологические исследования в работах зарубежных и российских ученых в 90-е годы XX столетия

Автор лекции: Алия Масалимова

фактами жалобы на малоземелье и нужду, резкие выпады против дворян и помещиков и т. д.

Значительно более глубокий анализ тех же документов предлагает в своей работе американский исследователь Эндрю Вернер. По его наблюдениям, крестьяне-просители «не только хорошо сознавали свои интересы, но и отдавали себе отчет в том, кому они пишут». Например, прошения на имя Николая II составлены в более уважительном тоне, чем просьбы, адресованные отдельным членам Думы. Учитывались консервативные или либеральные воззрения адресата. В итоге исследователь обоснованно рассматривает эти прошения как часть процесса переговоров между крестьянами и внешним миром, а также между самими крестьянами.

По мнению ученых, термин «менталитет» скорее всего просто непригоден для анализа подобных документов. То же самое можно сказать и о солдатских письмах, задержанных военной цензурой (1915), которые анализирует в своей книге Ольга Сергеевна Поршнева. По ее подсчетам выясняется, что самыми репрезентативными были такие суждения солдат, как недовольство жестокой дисциплиной, жалобы на плохое питание и обмундирование, констатация военно-технического превосходства немцев и т. д. Нисколько не умаляя ценности сделанных О. С. Поршневой наблюдений, хотелось бы заметить, что проанализированные ею письма содержат не какие-то «установки сознания», а живую реакцию людей на обстановку, в которой они находились. Здесь, вероятно, можно говорить о настроениях солдат, об их вполне сознательном отношении к происходящему, но менталитет здесь опять-таки не при чем.

На взгляд российского историка М. Крома, все сказанное позволяет сделать вывод о том, что расширительное толкование и чересчур частое использование термина «менталитет» снижают эффективность его применения в качестве инструмента исследования.

В 90-е годы историко-антропологический подход начал приобретать сторонников и среди отечественных исследователей истории России. Этому способствовало и ознакомление с трудами зарубежных коллег, и деятельность основанных Ароном Гуревичем и Юрием Бессмертным семинаров по исторической антропологии и истории частной жизни, в которых наряду со специалистами по европейской истории, принимают участие и русисты. Среди тем пока еще немногочисленных исследований, выполненных в этом ключе, преобладает религиозная антропология, т.е. изучение субъективной стороны веры, народной религиозности, как определил это направление в свое время Л.П.Карсавин.

Коллегами Л.Штайндорфа в России, изучающими разные аспекты поминальной практики Древней Руси, являются Алексей Иванович Алексеев и С.В.Сазонов. Исследованием народного православия XVIII в. плодотворно занимается Елена Борисовна Смилянская.

Политическая антропология пока мало привлекает внимание отечественных исследователей. Среди первых опытов можно упомянуть раздел в книге Маргариты Евгеньевны Бычковой, посвященный обряду коронации русских государей в XVI в., а также наблюдения Андрея Львовича Юрганова над эволюцией государственной символики, отразившейся в изображениях на печатях.

Сфера применения антропологического подхода постепенно расширяется: в нее все больше включается история повседневности, история будней и праздников, история частной жизни, семьи, детства. В этом ряду важное значение имеет выход новой книги Ольги Евгеньевны Кошелевой по истории детства в России XVI – XVIII вв.: так через 40 лет после издания знаменитого труда Ф. Арьеса его аналог на русском материале наконец-то появился и у нас.

Наконец, следует упомянуть о смелом проекте Д.А.Александрова и его коллег из Института истории естествознания и техники, предложивших историко-антропологический подход к изучению науки в России. При этом подходе в центре внимания оказывается не судьба научных идей, а повседневная жизнь ученых, межличностные и корпоративные отношения, неформальные контакты и объединения, покровительство и зависимость и т.п.

Основные термины

Мифология и символика, сценарии власти, менталитет, историко-антропологический подход.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т.- М.: ОГИ, 2002.
2. Утехин И.В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. М.: ОГИ, 2004. 277 с.
3. Семья, дом и узы родства в истории /Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбама. СПб.: ЕУСПб; Алетей, 2004. 285 с.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Историко-антропологические исследования в работах зарубежных и российских ученых в 90-е годы XX столетия

Автор лекции: Алия Масалимова

4. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство — СПб», 2001. 438 с.
5. Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени.- М., 2004.